

Светлана Алексиевич

У войны не женское лицо (фрагмент)

«Не хочу вспоминать...»

Старый трехэтажный дом на окраине Минска, из тех, что строились сразу после войны, давно и уютно обросший кустами жасмина. С него и начался поиск, который продлится четыре года, не прекращен и сейчас, когда я пишу эти строки. Правда, тогда я еще об этом не подозревала.

Привела меня сюда небольшая заметка в городской газете о том, что недавно на Минском заводе дорожных машин «Ударник» провожали на пенсии старшего бухгалтера Марию Ивановну Морозову. А в войну, готовилось в заметке, она была снайпером, имеет одиннадцать боевых наград. Трудно было соединить в сознании военную профессию этой женщины с ее мирным занятием. Но в этом несоответствии и предчувствовался ответ на вопрос: кто в 1941–1945 годах становился солдатом?

...Маленькая женщина с трогательным, девичьим венцом длинной косы вокруг головы, совсем не похожая на свой нечеткий газетный снимок, сидела в большом кресле, закрыв лицо руками:

– Нет-нет, не хочу вспоминать... Нервы никуда. До сих пор не могу военные фильмы смотреть...

Потом спросила:

– А почему ко мне? Поговорили бы с моим мужем, вот кто бы рассказал... Как звали командиров, генералов, номера частей – все помнит. А я нет. Я помню только то, что со мной было. Что гвоздем в душе сидит...

Попросила убрать магнитофон:

– Мне нужны ваши глаза, чтобы рассказывать, а он будет мешать.

Но через несколько минут забыла о нем...

Мария Ивановна Морозова (Иванушкина), ефрейтор, снайпер:

«Там, где стояло мое родное село Дьяковское, сейчас Пролетарский район Москвы. Война началась, мне было неполных восемнадцать лет. Я ходила в колхоз, потом окончила бухгалтерские курсы, стала работать. И Одновременно мы

занимались на курсах пи военкомате. Нас там обучали стрелять из боевой винтовки. В кружке занималось сорок человек. Из нашей деревни – четыре человека, из соседней – пять, одним словом, из каждой деревни по несколько человек. И все девушки... Мужчины-то уже все пошли, кто мог...

Скоро появился призыв ЦК комсомола и молодежи, поскольку противник был уже под Москвой, стать на защиту Родины. Не только я, все девочки изъявили желание идти на фронт. У меня уже отец воевал. Мы думали, что мы одни такие... А пришли в военкомат – там много девушек. Отбор был очень строгий. Первое, так это, конечно, надо было иметь крепкое здоровье. Я боялась, что меня не возьмут, потому что в детстве часто болела, была слабенькая. Потом, если в доме, кроме той девчонки, которая уходила на фронт, никого не оставалось, тоже отказывали, потому что нельзя было оставлять одну мать. Ну, а у меня оставались две сестры и два брата, правда, все намного меньше меня, но все равно считалось. Но тут было еще одно – их колхоза все ушли, на поле некому работать, и председатель не хотел нас отпускать. Одним словом, нам отказали. Пошли мы в райком комсомола, и там нам отказали.

Тогда мы делегацией из нашего района поехали в обком комсомола. Нам опять отказали. И мы решили, коль мы в Москве, то пойти в ЦК комсомола. Кто будет докладывать, кто из нас смелый? Думали, что одни там будем, а там в коридор нельзя было втиснуться, не то что дойти до секретаря. Там со всеми Союза молодежь была, много таких, что побывали в оккупации, за гибель близких рвались отомстить.

Вечером все-таки добились мы к секретарю. Нас спрашивают: „Ну, как вы пойдете на фронт, если вы не умеете стрелять?“ А мы говорим, что мы уже научились... „Где?.. Как?.. А перевязывать умеете?“ А нас, знаете, в этом же кружке при военкомате районный врач учил перевязать. Ну, и у нас был козырь в руках, что мы не одни, что у нас еще сорок человек и все умеют стрелять и оказывать первую медицинскую помощь. Нам сказали: „Идите и ждите. Ваш вопрос будет решен положительно“. И буквально через пару дней у нас были повестки на руках...

Мы пришли в военкомат, нас тут же в одну дверь ввели, в другую вывели: у меня очень красивая коса, я ею гордилась. Я уже без нее вышла... И платье забрали. Не успела маме ни платье, ни

косу отдать... Она очень просила, чтобы что-то от меня, мое у нее осталось... Нас тут же одели в гимнастерки, пилотки, дали вещмешки и в товарный состав погрузили...

Мы еще не знали, куда нас зачислят, куда мы едем? В конце концов для нас было не так и важно, кем мы будем. Только бы – на фронт. Все воюют – и мы. Приехали на станцию Щелково, недалеко от не была женская снайперская школа. Оказывается, нас туда.

Стали учиться. Изучали уставы – гарнизонной службы, дисциплинарный, маскировку на местности, химзащиту. Девчонки все очень старались. С закрытыми глазами научились собирать и разбирать „снайперку“, определять скорость ветра, движение цели, расстояние к цели, ячейки копать, ползать по-пластунски – все-все это мы уже умели. По окончании курсов огневую и строевую я сдала на „пять“. Самое трудное, помню, было подняться по тревоге и собраться за пять минут. Сапоги мы брали по размеру на один-два номера больше, чтобы не терять времени, быстро собраться. За пять минут надо было одеться, обуться и встать в строй. Были случаи, что в сапогах на босую ногу в строй выбегали. Одна девчонка чуть ноги себе не отморозила. Старшина заметил, сделал замечание, потом учил нас портянки крутить. Станет над нами и гудит: „Как мне, девоньки, сделать из вас солдат, а не мишени для фрицев?“

Ну, и вот прибыли мы на фронт. Под Оршу... В шестьдесят вторую стрелковую дивизию... Командир, как сейчас помню, полковник Бородкин, он увидел нас, рассердился: девчонок мне навязали. Но потом пригласил к себе, угостил обедом. И, слышим, спрашивает у своего адъютанта: „Нет ли у нас сладкого к чаю“. Мы обиделись: за кого он нас принимает? Мы воевать приехали... А он нас принимал не как солдат, а как девчонок. По возрасту мы ему были дочери. „Что ж я с вами делать буду, милые вы мои?“ – вот как он к нам относился, как он нас встретил. А мы же воображали, что уже вояки...

Назавтра заставил показать, как умеем стрелять, маскироваться на местности. Отстрелялись хорошо, даже лучше мужчин-снайперов, которых отозвали с передовой на двухдневные курсы. А затем маскировка на местности... Полковник пришел, ходит осматривает поляну, потом стал на одну кочку – ничего не видно. И тут „кочка“ под ним взмолилась: „Ой, товарищ

полковник, не могу больше, тяжело“. Ну, и смеху было! Он поверить не мог, что так хорошо можно замаскироваться. „Теперь, – говорит, – свои слова насчет девчонок беру обратно“. Но все равно очень мучился, боялся за нас, когда шли на передовую, каждый раз предупреждал, чтобы осторожными были, понапрасну не рисковали.

Вышли мы первый день на „охоту“ (так у снайперов называется), моя напарница Маша Козлова. Замаскировалась, лежим: я веду наблюдения, Маша – с винтовкой. И вдруг Маша мне:

– Стреляй, стреляй! Видишь, немец...

Я ей говорю:

– Я наблюдаю. Ты стреляй!

– Пока мы тут выяснять будем, – говорит она, – он уйдет.

А я ей свое:

– Сначала надо стрелковую карту составить ориентиры нанести: где сарай, березка...

– Ты будешь, как в школе, разводить бумажную волокиту? Я приехала не бумажками заниматься, а стрелять!

Вижу, что Маша уже злится на меня.

– Ну, так стреляй, чего ты?

Так мы пререкались. А в это время, действительно, немецкий офицер давал солдатам указания. Подошла повозка, и солдаты по цепочке передавали какой-то груз. Этот офицер стоял, что-то сказал, потом скрылся. Мы спорим. Я вижу, что он уже два раза показался, и если мы еже раз прохлопаем, то его упустим. И когда он появился третий раз, это же одно мгновение – то появится, то скроется, – я решила стрелять. Решилась, и вдруг такая мысль мелькнула: это же человек, хоть он враг, но человек, и у меня как-то начали дрожать руки, по всему телу пошла дрожь, озноб. Какой-то страх... После фанерных мишеней стрелять в живого человека было трудно. Но я взяла себя в руки, нажала спусковой крючок... Он взмахнул руками и упал. Убит он был или нет, не знаю. Но меня после этого еще больше дрожь взяла, какой-то страх появился: я убила человека...

Когда мы пришли, стали в своем взводе рассказывать, что со мной было, провели собрание. У нас комсорг была Клава Иванова, она меня убеждала: „Их не жалеть надо, а ненавидеть...“ У нее фашисты отца убили. Мы, бывало, запоем, а она просит:

„Девчоночки, не надо, вот победим этих гадов, тогда и петь будем“».

Через несколько дней Мария Ивановна позвонит мне и пригласит к своей фронтовой подруге Клавдии Григорьевне Крохиной. И я еще раз услышу о том, как не просто было девчонкам становиться солдатами – убивать.

Клавдия Григорьевна Крохина, старший сержант, снайпер:

«Мы залегли, и я наблюдаю. И вот я вижу: один немец приподнялся. Я щелкнула, и он упал. И вот, знаете, меня всю затрясло, меня колотило всю. Я заплакала. Когда по мишеням стреляла – ничего, а тут: как это я убила человека?..

Потом прошло это. И вот как прошло. Мы шли, было это возле какого-то небольшого поселка в Восточной Пруссии. И там, когда мы шли, около дороги стоял барак или дом, не знаю, это все горело, сгорело уже, одни угли остались. И в этих углях человеческие кости, и среди них звездочки обгоревшие, это наши раненые или пленные сгорели... После этого, сколько я ни убивала, мне не было жалко. Как увидели эти горящие кости, не могла прийти в себя, только зло и мщение осталось.

...Пришла я с фронта седая. Двадцать один год, а я уже беленькая. У меня ранение было, контузия, я плохо слышала на одно ухо. Мама меня встретила словами: „Я верила, что ты придешь. Я за тебя молилась день и ночь“. Брат на фронте погиб. Она плакала:

– Одинаково теперь – рожай девочек или мальчиков. Но он все-таки мужчина, он обязан был защищать Родину, а ты же девчонка. Я об одном просила, если ранят, то пусть лучше убьют, чтобы девушке не остаться калекой.

У нас, а я не белоруска, это меня муж сюда привез, я родом из Челябинской области, так у нас там велись какие-то рудные разработки. Как только начинались взрывы, а это делалось ночью, я моментально вскакивала с кровати и первым делом хватала шинель – и бежать, мне надо было куда-то бежать. Мама меня схватит, прижмет к себе и уговаривает, как ребенка. Сколько раз я с кровати кубарем слечу – и за шинель...»

В комнате тепло, но Мария Ивановна укутывается в тяжелый шерстяной плед – ее знобит. И продолжает:

«Наши разведчики взяли одного немецкого офицера, и он был крайне удивлен, что в его расположении выбито много солдат и все ранения только в голову. Простой, говорит, стрелок не может сделать столько попаданий в голову. „Покажите, – попросил, – мне этого стрелка, который столько моих солдат убил. Я большое пополнение получил, и каждый день до десяти человек выбывало“. Командир полка говорит: „К сожалению, не могу показать, это девушка-снайпер, но она погибла“. Это была Саша Шляхова. Она погибла в снайперском поединке. И что ее подвело – это красный шарф. Она очень любила этот арф. А красный шарф на снегу заметен, демаскировка. И вот когда немецкий офицер услышал, что это была девушка, он голову опустил, не знал, что сказать...

Мы ходили парами, одной от темна до темна сидеть тяжело, глаза слезятся, руки немеют, тело от напряжения тоже немеет. Зимой особенно трудно. Снег, он под тобой тает. Только забрезжит рассвет, мы выходили и с наступлением темноты с передовой возвращались. Двенадцать, а то и больше часов мы лежали в снегу или забирались на верхушку дерева, на крышу сарая или разрушенного дома и там маскировались, чтобы враг не видел, где мы, где наша позиция, откуда мы ведем наблюдение. И старались как можно ближе найти позицию: семьсот-восемьсот, а то и пятьсот метров нас отделяло от траншеи, где немцы.

Я не знаю, откуда у нас смелость бралась? Хотя не дай бог женщине быть солдатом. Расскажу вам один случай...

Мы шли в наступление, очень быстро наступали. И выдохлись, обеспечение от нас отстало: кончились боеприпасы, вышли продукты, кухню и ту разбило снарядом. Третьи сутки сидели на сухарях, языки все ободрали так, что не могли ими ворочать. Мою напарницу убили, я с новенькой шла на передовую. И вдруг видим, на „нейтралке“ жеребенок. Такой красивый, хвост у него пушистый... Гуляет себе спокойно, как будто ничего нет, никакой войны. И немцы, слышим, зашумели, его увидели. Наши солдаты тоже переговариваются:

– Уйдет. А супчик был бы...

– Из автомата на таком расстоянии не возьмешь...

Увидели нас:

– Снайперы идут. Они его сейчас... Давай, девчата!..

Что делать? Я и подумать не успела. Прицелилась и выстрелила. У жеребенка ноги подогнулись, свалился на бок. И тоненько-тоненько, ветер принес, заржал.

Это потом до меня дошло: зачем я это сделала? Такой красивый, а я его убила, я его в суп! За спиной слышу, кто-то всхлипывает. Оглянулась, а это новенькая.

– Чего ты? – спрашиваю.

– Жеребеночка жалко... – и полные глаза слез.

– Ах-ах-ах, тонкая натура! А мы все три дня голодные. Жалко потому, что еще никого не хоронила, не знаешь, что такое прошагать за день тридцать километров с полным снаряжением, да еще голодной. Сначала фрицев надо выгнать, а потом переживать будем...

Смотрю на солдат, они же вот только меня подзадоривали, кричали, просили. Никто на меня не смотрит, будто не замечает, каждый уткнулся и своим делом занимается. А мне что хочешь, то и делай. Хоть садись и плачь. Будто я живодерка какая-то, будто мне кого хочешь убить ничего не стоит. А я с детства все живое любила. У нас, я уже в школу ходила, корова заболела, и ее прирезали. Я два дня плакала. Мама боялась, чтобы чего со мной не случилось, так плакала. А тут – бац! – и пальнула по беззащитному жеребенку.

Вечером несут нам ужин. Повара: „Ну, молодец снайпер... Сегодня мясо в котле есть...“ Поставили нам котелки и пошли. А девчонки мои сидят, к ужину не притрагиваются. Я поняла, в чем дело, в слезы и из землянки... Девчонки за мной, стали меня в один голос утешать. Быстро расхватали свои котелки и давай есть... Вот как было...

Ночью у нас, конечно, разговоры. О чем мы могли говорить? Конечно, о доме, каждый о маме своей рассказывал, у кого отец или братья воевали. И о том, кем мы будем после войны. И как мы выйдем замуж, и будут ли мужья нас любить. Капитан наш смеялся, говорил:

– Эх, девки! Всем вы хороши, но после войны побоятся на вас жениться. Рука меткая, тарелкой пустишь в лоб и убьешь.

Я мужа на войне встретила, в одном полку мы были. У него два ранения, контузия. Он войну от начала до конца прошел, всю жизнь был военным. Ему не надо объяснять, что у меня нервы. Если я и поговорю на повышенных тонах, он или не заметит, или

отмолчится. И мы живем с ним уже тридцать пять лет, душа в душу. Двоих детей вырастили, дали им высшее образование.

А что вам еще расскажу... Ну, демобилизовали меня, приехала я в Москву. А от Москвы к нам еще ехать и несколько километров пешком идти. Это сейчас там метро, а тогда были вишневые сады, глубокие овраги. Один овраг очень большой, мне через него надо перейти. А уже стемнело, пока я приехала, добралась. Конечно, я через этот овраг боялась идти. Стою и не знаю, что делать: то ли мне возвращаться и ждать дня, то ли набраться храбрости и пойти. Сейчас подумать, так смешно – фронт прошла, чего только не повидала: и смертей, и разного, а тут овраг перейти страшно. Оказывается, война ничего в нас не изменила. В вагоне, когда ехали, когда возвращались уже из Германии домой, мышь у кого-то из рюкзака выскочила, так все наши девчонки как повскакивают, те, что были на верхних полках, кубарем оттуда, пищат. А ехал с нами капитан, тот удивлялся: „У каждой орден, а мышей боитесь“.

На мое счастье, ахала машина грузовая. Я думаю: проголосую. Машина остановилась.

– Мне до Дьяковского, – говорю.

– И мне до Дьяковского, – смеется молодой парень.

Я – в кабину, он – мой чемодан в кузов, и поехали. Видит, что на мне форма, награды. Спрашивает:

– Сколько немцев убила?

Я ему говорю:

– Семьдесят пять.

Он немного со смешком:

– Врешь, может, и в глаза ни одного не видела?

А я тут его признала:

– Колька Чижов? Ты ли это? Помнишь, я тебе галстук повязывала?..

Одно время до войны я работала в своей школе пионервожатой.

– Маруська, ты?

– Я...

– Правда? – затормозил машину.

– До дому-то довези, что же ты посреди дороги тормозишь? –

У меня на глазах слезы. И вижу, что у него тоже. Такая встреча!

К дому подъехали, он бежит с чемоданом к моей матери:

– Скорее, я вам дочку привез!

Вернулась, и все надо было начинать сначала. В туфлях училась ходить, на фронте же три года в сапогах. Мы привыкли к ремням, подтянутые, казалось, что теперь одежда на нас мешком висит, неловко как-то себя чувствуешь. Мы юбок не признавали, все в брюках, вечером их постираешь, под себя положишь, ляжешь, считай, выутюженные. Правда, не совсем сухие. Выйдешь на мороз, коркой покроются. А тут идешь в гражданском платье, в туфлях, встретишь офицера, невольно рука тянется, чтобы честь отдать. Привыкли: паек, на всем государственном, и приходишь в хлебный магазин, берешь хлеб, сколько тебе нужно, и забываешь расплатиться. Продавщица, она уже тебя знает, понимает, в чем дело, и стесняется напомнить, а ты не заплатила, взяла и пошла. Потом тебе уже совестно, на другой день идешь, извиняешься, берешь что-то другое и расплачиваешься за все сразу. Продавцы не обижались на нас, они уже знали...»

Замолкает. И это то молчание, когда любой вопрос неуместен.

«...Я что еще думаю. Вот послушайте. Сколько была война, очень долго... Ни птиц, ни цветов не помню. Они, конечно, были, но я их не помню. Вот такое... Странно, правда?..

Мы только недавно, лет восемь назад, нашу Машеньку Алхимову нашли. Ранило командира артдивизиона, она поползла его спасти. Впереди разорвался снаряд... Прямо под ней... Командир погиб, она доползти не успела, и ей обе ноги искромсало, да так, что мы с трудом ее перевязали. Намучались. И так, и этак пробовали. Несли на носилках в медсанбат, а она просил: „Девочки, пристрелите... Я не хочу такая жить...“ Так просила и молила... Так! Отправили ее в госпиталь, а сами дальше пошли, в наступление. Когда стали искать... След ее уже затерялся. Мы не знали, где она, что с ней? Куда только не писали, никто положительного ответа не давал. Помогли нам следопыты 73-й школы города Москвы. Эти мальчики, эти девочки... Они нашли ее нашли ее через тридцать лет после войны, нашли в Доме инвалидов где-то на Алтае. Очень далеко. Все эти годы она по интернатам для инвалидов, по госпиталям кочевала, ее десятки раз оперировали. Она матери своей даже не призналась, что живая... От всех спряталась... Мы ее привезли на нашу встречу. В слезах все выкупались. Потом свели с матерьююю Через тридцать с лишним лет они встретились... мать с ума чуть не сошла: «Какое счастье,

что мое сердце от горя раньше не разорвалось. Какое счастье!»» А Машенька повторяла: «Теперь мне не страшно встретиться. Я уже старая.» Да.. Короче... Это и есть война...

Помню лежу в землянке. Не сплю. Где-то артиллерия работает. Наши постреливают... И так не хочется умирать... Я клятву дала, воинскую клятву, если надо, отдам жизнь, но так не хочется умирать. Оттуда даже если живой вернешься, душа болеть будет. Теперь думаю: «Лучше бы в ногу или руку ранило, пусть бы тело болело. А то душа... Очень больно. Мы же молоденькие совсем на фронт пошли. Девочки. Я за войну даже подросла. Мама дома померила... Я подросла на десять сантиметров...»

На прощание неловко протянет ко мне горячие руки и обнимет: «Прости...»

Конец ознакомительного фрагмента

Эту книгу Вы можете взять:

- в отделе абонемента по адресу г. Оренбург, ул. Правды, 7
- в читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20.

Получить доступ к электронной версии книги Вы можете в электронном читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20, 2 этаж.